

„Пушкинский уголок“, его быт и предания.

В. И. Чернышев.

Les lieux natals de A. S. Pouchkine, moeurs et usages, réminiscences.

Par V. I. Tschernycheff.

«Пушкинский уголок», точнее — окрестности сел Михайловского и Тригорского, Опочецкого у. Псковской губ., автор нижеследующей статьи изучал летом 1927 года. Он прожил около двух недель на хуторе Озерки и по нескольку дней в Пушкинских (б.Святых) Горах и в д. Навдышах, наблюдая народный быт, язык, верования, предания и разыскивая сохранившиеся остатки старого народного творчества, между прочим, с целью найти некоторые материалы для уяснения жизни, деятельности и произведений А. С. Пушкина. — Государственному Географическому Обществу, давшему возможность совершить поездку в этот край, который издавна привлекал любознательность и симпатии автора, он приносит искреннюю благодарность.

1. Очерк материального и духовного быта.

I. Занимательная и плодотворная задача изучения Пушкина на месте его деятельности в значительной степени затруднена давностью самих фактов его жизни и творчества. Прошло более 100 лет со времени первого относительно длительного пребывания Пушкина в Михайловском и 90 со дня его преждевременной смерти. Почти все его современники перемерли. Немногие оставшиеся в живых одряхлели и мало о нем знают и помнят. Прямо говорят: «о Пушкине много знали да забыли». Из построек и старой домашней помещицкой обстановки в Михайловском почти ничего не осталось, в Тригорском буквально ничего. Сама природа много изменилась. Река Сбóрь, как видно по заплывшим прежним ее руслам («старицам») около Тригорского (у Вороноча) и Михайловского, местами переменяла свое течение. Густой лес, который во времена Пушкина окружал бывшие крепостные его деревни и шел до самых Святых Гор, сменился распаханными полями. Не только от знаменитых трех сóсен, но и от окружавшего их «младого племени» не осталось

никакого следа. Изменился пейзаж. Нет старых — времен Пушкина — деревенских построек; о дымной холодной хате мужика, в которой, по рассказам старух, люди спали в печках, чтобы согреть себя, об освещении лучиной изб и даже овинов во время молотбы, можно сказать, сохранилось только предание. Старики ели «пушничцу» («пушный хлеб, с пёлам», т. е. несейный, с мякиной), пиво варили из можжевельных ягод, но мирились с своим положением и боялись грядущего нового быта. Они давно замечали эти стихийно надвигающиеся перемены в жизни города и деревни и предвидели еще большие. Пока еще не ушли отсюда, говаривали молодым, теперь тоже в свою очередь ставшим стариками: «Будут у вас дороги прямые, а суды кривые, оснут весь свет железом, пойдут огненные колесницы, буде огненная змея на столе сипеть, и народятся антихристы» и т. д. «Вот теперь все это и сбылось!» — говорят те же старики и старухи, не приемлющие новой, уже давно пришедшей и недавно зарождающейся новейшей жизни. Но в материальном и духовном быте Пушкинской волости осталось еще не мало старины. Говорят, что кое-где есть еще «черные» курные избы, но их теперь мало. Я видел только одну такую избу, в д. Брюхове, у бедной женщины, но эта изба — переделка из белой, вследствие развалившейся трубы. Пол в ней оказался бревенчатый, крайне неровный. В старых избах есть еще «волковые» окна — маленькие, дощатые, задвигающиеся, при одном большом светлом. Во многих еще домах применяются «жёрны» (ручные жернова для размолы муки).

II. Для ознакомления с обстановкой материального быта я передам свои наблюдения над ярмаркой в Пушкинских (б. Святых) Горах. Таких ярмарок там несколько в году, в праздники: Благовещение, Покров, Казанская, Масленая. «За Крещение» большая ярмарка и гулянье на реке Сороти, около Вороноча, между селением и городищем. Я наблюдал ярмарку «Девятник», происходящую в девятую пятницу. Это приходилось 24 июня, но я был в первый день ярмарки, 22 июня, когда съезд был еще небольшой. Торговали тогда местными изделиями и продуктами. Таковы: сушеная рыба, колеса, кадки, ушаты, гончарные изделия («черёпье»), местные ткани (холст, полотно, холстина для одежды, матрацов, скатертей, занавесей и проч., чисто льняные и смешанные с бумагой ткани), игрушки (кони и птицы), железные изделия, между прочим, серпы хорошей закалки; в стороне конная ярмарка. Все были трезвы, выпивших и пьяных мало, но сквернословная брань слышалась нередко. Общее впечатление от говора — однообразность и сравнительная чистота. Приезжие кушают на возах свой незатейливый завтрак или обед. Чайные, пивные не слишком полны, около центроспирта весьма небольшие и довольно трезвые группы. С возвышения ярмарка представляется морем белых голов, потому что женщины обыкновенно повязаны белыми ситцевыми платками. Они обычно в ситцевых платьях (кофта и юбка одного или разного ситца), все в башмаках. Щеголихи, которых, впрочем, немного, в коротких платьях новой моды и высоких башмаках. Мужчины в одеждах из домотканой материи. У молодых

новый покррой: пиджак и брюки, у менее щегольливых — род короткого пальто без бортов, изредка кафтаны, портки из холстины полосками в клетку. Верхняя одежда из крестьянского сукна темно-серого цвета. Почти все в сапогах, лапти веревочные или кожаные (пóршни) с онучами — очень редки. Песен здесь — ни на ярмарке, ни в домах, ни на работе я не слышал.

Обычный рост — средний; особенно малорослые или великорослые редко встречаются; женщины не уступают мужчинам в росте и дорождении. Цвет волос — середина между светлым и темным. Люди пожилого возраста хорошо сохранились: нередко человек за 60 лет не обнаруживает признаков дряхлости: морщин, седины, отсутствия зубов, потери трудоспособности. И впоследствии мне казалось, что здешнее население по физическому виду вообще не представляет много разнообразных типов. Довольно часто встречаются схожие лица: мне в двух случаях пришлось признать за знакомых очень похожих, но совсем различных людей.

Сделаю несколько дополнений об одежде населения. Будничная одежда, конечно, беднее и проще той, которую я видел на ярмарке, и обычно своего изделия и из домашних тканей. У женщин более молодых, впрочем, большое тяготение к ситцам и городскому крою платья; некоторые прямо стыдятся иметь в одежде и обстановке домашние тканые льняные изделия, в сущности весьма красивые, разнообразные, тонкой выработки и несомненно гораздо более прочные. Здесь еще можно хорошо одеться с ног до головы, не имея ничего покупного, кроме иголки и ножниц.

Обычный женский головной убор старшего поколения — сорóка или повóй (что одно и то же); надевается в первый раз после венца и затем носится постоянно. Ходить без этого головного убора старухи считают за какой-то грех. У вольных сорока закрывала волосы, у барских лоб приоткрывался и волосы были видны. У вольных были еще кокошники, сверху обвязанные повóем. Рубашка женская имеет стан, плечье и пришитые рукава. В таких рубашках, надетых без всякой опояски, работают на сенокосах и жнут. Верхнее платье: набойник или сарафан, с проймами и грудинкой, и передник. Набойник и сарафан не отличаются покроем, но сарафан — ситцевый, а набойник — из домашней ткани (прежде из холста, который синили и набивали цветочками). На ногах кóтики, в виде туфель, плетеные из тонких веревок. На сенокосах работают босиком, жнут в кóтиках, чтобы не было колко ногам.

Обычная мужская старинная одежда: рубашка с прямым воротом, пóяс, портки, на голове летом синего холста, зимой барашковая шапка, летом иногда соломенная шляпа, на ногах лапти или пóршни (кожаная обувь в виде лаптей). Для мужчин это и теперь обычный будничный костюм, особенно при грязных домашних работах. (Так же одеваются и в Ашевской волости Новоржевского уезда.)¹

¹ Наблюдения из этой местности я сообщаю здесь и далее для пополнения и разъяснения данных Пушкинской волости.

Сделаю еще несколько замечок о домашнем быте Пушкинской волости. Самоваров и теперь в ней не так много. В старину на памяти народа они были только у богатых. Чай, мало употребляемый, и теперь готовят в горшках. Но и в тех домах, где есть самовары, чаепитие не в обычае. Самовар ставят по случаю праздников, для гостей и вообще редко. Ни особенной охоты, ни тем более привычки к чаю у здешнего населения нет.

Праздники справляют еще по-старинному. Религиозное чествование праздников сильно ослабело, особенно в более молодом поколении, но обряд приема и угощения родных и знакомых сохраняется в полной силе. В достаточном доме собирается гостей человек 25, гостят 3 дня; готовится пудов 10 мяса (режут борова, барана) запасается ведро или больше водки. Едят, пьют много, веселятся, между прочим, в некоторых домах рассказывают сказки, за которыми сидят иногда чуть не до утра.

III. Сохранились еще древнейшие суеверные обычаи и обряды, связанные с праздниками и разными работами; не мало и других народных верований. Верят здесь в чудодейственную силу трав. Говорят, например, что есть сумасшедшая трава. «Положить ее в бане на каменку и уйти: кто придет после мыться — перессорятся, передерутся». — Накануне Иванова дня ходят перед вечером с мешками собирать травы, большею частью цветные. Пришедши домой, подкладывают их в кормушки домашних животных, которые приходят вечером домой и едят подготовленные им травы. Делается это для благополучия: здоровья, молочности и проч. (дер. Навдыши.)

В деревне Стригбóво, как раз перед моим приходом, накануне Иванова дня возили по улице борону, чтобы уничтожить действие колдунов, отнимающих молоко, урожаи и проч. Это называется: «волочить борону». На борону садится старуха, по объяснению молодежи, «для смеха». (В Новоржевском у., в Ашевской волости, тоже распространено верование, что колдуны отнимают у коров молоко накануне Иванова дня. Для охранения коров от колдуна там подпирают ворота осиновым колом и хозяйки называют коров другими именами: «чернушкой» вместо «белянки» и т. п., чтобы колдун не мог назвать корову.)

Весной перед девятником, когда позём возят, на толоке, обливают людей водой — чтобы их корова была молочная. Всех обливали прежде, даже и господ. Женщин иногда прямо бросают в мочило (прудок для вымачивания льна.) (Также и в Новоржевском у., в Ашевской волости.) — Катаются на ниве или на земле, когда первый гром гремит — чтобы не болела спина. Приговаривают: «Гром гремит — (в) меня спина не болить!» (Тоже и в Новоржевском у., в Ашевской вол.) — На жнитво идут (прежде) в первый раз, берут по яйцу крутому. «Яйцо крутенько, легенько: как оно круто бегае (вертится), так и мне-б женице круто бегать». Когда по первому снопу сожнут, садятся есть яйца. Говорят: «дай бог и нам таким крутеньким быть, как это яёчко!» В конце жатвы яёшню варят на нивы жнецам: штоб рожь была желтая. В то же время обертывают сереп соломой ржа-

ной или житной (ячменной) и говорят: «Спасибо, серепок, Белы рученьки берег, Табе на всю зиму карамок!» (То же и в Новоржевском у., в Ашевской вол.) — Во время жатвы девки гадают. Бросают сереп, покрутивши кругом головы. Куда он упадет, туда девушка замуж выйдет. «Под снопом глядят, какие букашки бежат: если павки (пауки) — богатый жених придет, если сикляха (муравей) — бедный; если черная букашка — в тулупе сват приеде, если бурая — в кафтане; если червяк поползе, говорят: ну, помре нынеча». (То же и в Новоржевском у., в Ашевской волости, где примечают, что беременная должна родить девочку при красненькой букашке, мальчика — при черной.) — Бабы в конце жатвы садятся на ниве скоблятся (почесываются): если на ниве поскоблится, всегда будет время чесаться, а то все некогда. — Обряда опахивания здесь нет и в старину не слыхали, чтобы был.

IV. О домашних и других языческих древне-русских божествах в Пушкинской волости сохранились некоторые воспоминания, но мои сведения по этому важному вопросу весьма недостаточны. Знают здесь человекообразного домового, который дрочит любимую скотину, у любимых коней заплетает гриву. Он есть в каждом доме. Говорили, что домовый ходит в самом Пушкинском доме в с. Михайловском. Рассказывали, что один мужик разорлся от разных несчастных случаев. Раз к нему пришли соседи. Вечером слышит: на дворе шум, свист, беспокойство. Спрашивают: «Что это такое?» Он говорит: «Это домовые хозяева тревожатся. Видят мое разорение. Выселяют меня отсюда».

В Пушкинской волости есть странное верование, что покровители дома и семьи имеют вид некоторых пресмыкающихся, прежде всего ужей. Вот рассказы о них, слышанные мною от Пр. Гр. Кузнецовой, на хуторе Озерки. Прежде ужей здесь было много. Некоторые их не трогали, почитали. Ужи вползали в избы. Уйдет народ в поле, оставят ребенка одного на полу, поставят около него горшок с молоком — хлебать. Придет уж и лакает молоко из горшка. — У одного мужика уж сделал себе гнездо в переднем углу избы. Пришли плотники избу починять. Мужик взял осторожно гнездо с яичками ужа, вынес его на двор и положил в удобное место. Уж туда приполз. Потом мужик опять внес гнездо в избу. Ему говорили: «Что ты гада в избе держишь?» А он говорил: «Глупые, какой же это гад? Гад совсем другой, вредный!» — «И зачем тебе его кормить?» — «Да я его не кормлю — он сам ест».

Некоторые представляют себе и дворового в виде червяка, т. е. гада (змеи), или ужа. Какие в доме коровы, такие и червяки, белые или черные. Такое же представление иные имеют и о водяном и, кажется, о лешем. О водяных, как человекообразных существах, некоторые мои собеседники совсем не слыхивали, а при распросах говорили мне о пресмыкающихся, змеях и проч. (В Новоржевском у., в Ашевской вол., говорят, что дворовик днем бывает, как змея, у которой голова, как у петуха, с гребнем, а ночью он имеет вид и цвет волос, как у хозяина дома. Там же водяного представляют в виде

кошки; он топит людей в воде. Один мужчина, желавший вытащить утопленницу, видел, что на ней, на голове, сидела смерть в виде кошки и не давала ее вытащить. В виде кошки может быть и домовый, но только злой, который катается на нелюбимой лошади, царапает животных, заворачивает им шерсть, т. е. гладит против шерсти и т. п.)

О леших мало говорят в Пушкинской волости; в них верят, но как их представляют, мне не удалось выяснить. Леший, повидимому, воображался очень шумным. Когда мимо избы, в которой я сидел, пробежал неистово кричавший мальчишка, старый мужик иронически заметил: «Говорили леших нет, а вот он леший!» (В Ашевской волости, Новоржевского уезда [место безлесное], леших, кажется, совсем не знают.) При объяснении одной записанной мною сказки выяснилось верование в шашйцу — человекообразное лесное многоголовое чудовище (в данном случае о 7 головах), губящее людей. (По верованиям Новоржевского у. шашок живет во рью [овине] или в бане, вообще в «некрещенном месте». Это злой дух, в виде человека, необыкновенно сильный; там одну женщину он «в каменку втискал». т. е. в печку, где баня топится.)

О чертах сохранились верования и рассказы, что они «водят» и «заводят» пьяных людей. Одного человека завели — он уж был недалеко от дома — посадили на пень, разули-раздели. По старому преданию, пьяного вороночского попа, шедшего из гостей, нечистый, под видом человека, завел в озеро Маленец, показал ему тройку лошадей и предложил садиться. Поп по привычке перекрестился, лошади исчезли — он увидал себя по пояс в воде. — Нечистый может притти и в дом к человеку, но от него здесь умеют защищаться и по-язычески и по-христиански. Вот два рассказа об этом, слышанные мною тоже на Озерках. 1. Шел человек домой, видит на дороге лежит лошадь. Он ее поднял, сел на нее и поехал. Лошадь подъехала к дому и едет прямо в избу. В избе она спрашивает: «Давайте мне работы». Догадались дать ей жолст: «Разбери по нитке!». Вот она разбирала, разбирала, до полночи не разобрала — и пропала! — 2. Один мужик пришел домой, — а шел он с нечистым, — хозяин вошел в дом, а нечистый стоит у дверей, шарит у стены — хочет войти. Хозяйка ему говорит через дверь: «Коли ты крешенный — входи, а коли некрещеный, так зачем идешь к крешенному?» Он и пропал.

Довольно распространены и относительно хорошо сохранились здесь верования в русалок. Рассказывают о людях, их недавно выдавших: «Наши плыли на лодке. Вышла из воды девушка, нагая, красивая, груди высокие, коса длинная. Оны испугались. Она мылась. Кто что скажет — она бултых в воду» (д. Железово). Те же собеседники передавали мне, что у русалки волосы черные, а другие возражали: «Нет, желтые!». Русалки, по их словам, появляются весной, до Троицына дня, в русальную неделю. За неделю до Троицы и в следующую нельзя купаться: «Русалка защекоче». Говорили про известное место на речке, недалеко от Пушкинских (б. Святых) Гор и монастыря, где жила русалка. Сказали даже, что «Пушкин видел

русалку». В такую форму преобразилось, очевидно, знание того, что Пушкин «описал» русалку. Опираясь на эти показания, можно думать, что стих Пушкина «Русалка» основывается на здешних народных верованиях и легендах. Данный Пушкиным образ русалки во всех ее признаках и действиях вполне соответствует, не только общеизвестным народным, но и здешним представлениям о ней. — Другие местные рассказы дают несколько иное понятие о русалках. «Русавка высика са ржи или с лужицы, или с леса, простоволосая». Нам говорили: «Бойтесь русалки, теперь русательная неделя». На Тригорском хуторе мне рассказывали: «русалки со ржи выходят, хохочут, ловят людей. Кого поймает русалка, щекочет до смерти. Русалки являются на Троицкой неделе. От них — лихорадка; семь недель она трясет. Спасаются от лихорадки рубашкой от коня (т. е. оболочкой, в которой находится жеребенок в утробе матери). Ее высушивают и накладывают на больного, чтобы прогнать русалку. «Оны этого пугаются». — «Сестра говорила, к ней приходила русалка, «черная баба». Она спать ляжет, к ней придет русалка, будит ее, не дает спать. Русалка вопит, зовет перед смертью. Сестра скоро и померла».

Эти указания на пребывание русалок во ржи, простоволосых (не говорят, что «нагих»), скрывающихся во ржи и, очевидно, проявляющих свою деятельность не только в Троицкую неделю, когда рожь еще и не выросла, повидимому, отражают весьма древнее верование в полудницу, образ которых в русских народных представлениях слился с образом русалок.¹ (И в Новоржевском у., в Ашевской волости, русалку представляют живущей во ржи. Она имеет вид женщины с растрепанными волосами, носит белое платье, пальцы у ней железные, которыми она бьет и царапает свою жертву, выковыривает у нее глаза.) — Сближение русалок с лихорадками тоже редкое, как это мы видим из указаний Д. К. Зеленина.² Еще более своеобразно представление о русалке черной по цвету волос и о русалке в виде «черной бабы», беспокоящей и зовущей перед смертью.

V. Верования в колдунов и оборотней в старшем поколении еще хорошо сохранились. Моим собеседникам, бывало, говорили: «где свадьба — колдуны камням оборотят или вавкам (волками)». Не так еще давно ходили просить колдунов — уничтожить заломы во ржи. Вот рассказ об этом, слышанный мною на хуторе Озерки. Жала соседка с невесткой рожь, увидела во ржи залом (закрученные и завязанные узлом стебли ржи), — испугались. Рожь обжали кругом, залом оставили. Позвали колдуна. Он пришел, снял залом, потом пришел к ним в дом, спросил воды, взял две лучинки, положил на воду, стал шептать. Потом позвал хозяйку, говорит: «Смотри, кто тебе сделал». Она видит: баба из ихней деревни. Колдун говорит: «Хочешь,

¹ Д. К. Зеленин, «Очерки русской мифологии», стр. 202. Полудница — в церковном языке: бес полуденный.

² Там же, стр. 210.

бери нож, коли ей в глаз — она кривая будет». Баба говорит: «Что ж, бог с ней; я этого не хочу». Колдун сказал: «Ну, я вот что сделаю: придет к ней в избу старик и у ней в избе нагадит — она вытирать будет». Так это все и было. Другие колдуны напускают на виновника залом а жажду, которую утолить может только пострадавший. Вредитель приходит к нему и умоляет дать питья. — Этот колдун говорил хозяйкам: «Вы думаете, мне легко с ними (нечистыми); они ко мне приступают: «Давай работы, давай работы!» Разбросаю им пшено: «Собирайте по зернышку», скоро соберут, рассыплю табак: «Собирайте по одной табáчине» — и это скоро сделают; только и избавлюсь тем, что заставлю из песку веревку свить и ко мне принести: они свить-совьют, а поднять ее не могут». Все это рассказывалось мне, как подлинное происшествие, а не как сказка. Не одни колдуны производят волшебные действия. «Валуны» (коновалы, деревенские ветеринары) тоже «слово знают». Был у нас один такой, рассказывали мне в д. Стригóво. Сидел он в кабаке, выпил, разговаривал. Был тут один парень, худой человек; он и воровал и грабил. Увидел у «валуна» деньги, услышал, куда он идет, ушел раньше — подстергать его на дороге. Пришел «валун» в глухое место в лесу, в овраге — выходит этот парень: «Давай деньги!» — «Какие тебе деньги? Что я у тебя занимал, что ли?» — «Не разговаривай, давай, а то худо будет!» — «Ну, коли так, я тебе своими руками не дам, а вот брошу — подыми с земли». Бросил кошелек — разбойник нагнулся его поднимать, а валун сказал: «Вот теперь стой, как скотина на четвереньках, я тебя валять (холостить) буду». Тот стоит — разогнуться не может. «Валун» взял нож, хотел с ним свое дело сделать. Вдруг слышат: по дороге едут — подъехал знакомый управляющий на тележке. «Что у вас тут такое?» — «Валун» говорит: вот что, я с ним то-то хочу сделать. Тот говорит: «Брось, пусти его, поедem со мной». «Валун» отпустил грабителя. «Смотри», сказал, «помни это, а то я тебе то сделаю, что вовек не забудешь!» Сел на тележку и уехал с управляющим.

2. Исторические места и предания.

1. Ворóноч, старый псковский пригород. Великолениное Вороночское городище в земляной своей части отлично сохранилось. Величием, красотой, необыкновенной правильностью отделки этой старинной земляной крепости я имел удовольствие любоваться много раз. Особенно хороша эта старая псковская крепость, если смотреть на нее с юга, со стороны, противоположной реке, и с западной стороны, от тригорского холма. С вышки, насыпи, поднимающейся с южной стороны городища, открывается чудный вид на окрестности. Старая, с западной стороны, дорога на городище, отлично обделанная, красиво и ровно тянется на высоту. Прекрасно сохранилась и другая старая дорога, со стороны реки, заросшая дерном. С восточной стороны хорошо видна еще третья старая, заросшая узкая

дорожка для пешеходов и, может быть, для всадников. К сожалению, этот замечательный памятник старины разрушается не только временем и стихиями, но и рукою равнодушного к истории местного населения. С южной стороны, например, у подножия городища выкопаны большие ямы: это брали песок для подравнивания дороги. Со стороны реки крепость, вероятно, разрушалась пальбою осаждавших ее в разное время войск. Около Вороноча, бывало, находили пушечные ядра величиною «кулака в два, едва поднять».

О большой населенности и войнах этих мест еще держится предание. Старушка в Озерках мне говорила, что в Вороноче было 70 церквей. В других местах мне сообщали, что тут от Вороноча почти до озера Белогуль все были постройки, жили люди. Сказывали, что прежде здесь воевали богатыри. В Вороноче был богатырь, ездил в Велью на тройке коней летом в санках. От этого времени осталась насыпная дорога, подровненная для поездок этого богатыря. «Ихняя власть была—для нас, мужиков, не будут делать дорогу». Под землей на Вороночской вышке будто бы и теперь живет богатырь. Иные уже забыли подробности легенды об этом богатыре. «Все знают, что есть богатырь, а программы не знают»¹ сказала мне одна рассказчица. Старое предание однако не все забыли: говорят, что там есть богатырь. «Конь у него черный, как смоль, так и сияет. Он выходит межи утренней и межи обедней на Христов день этого коня поить в Сбóрь. Говорили быдто ево видали: открываются двери и выходит богатырь, и выводит коня. Один человек вошел в эти двери и никого (т. е. ничего) не нашел: только одну уздечку. Он отдал эту уздечку одному господину и таперь эта уздечка хоронится (хранится) воколо Красново Чесанья».

В этой Вороночской вышке, по преданию, есть провалившаяся засыпанная церковь. Мужик на вышке копал яму, нашел стенку и крест золотой, какие на «кумполье» бывают. Лежащие на горке слышали звон под землею. Звон слышится оттуда и в Пасху на заутреню. Иные, говорят, видали на вышке крест серебряный, который, «как ево увядят, скрывается». «Теперь,—прибавляют,—давно не видывали. В вышке хлеба много, только агню нет. Раз в окопах (насыпи) вырыли человека, был, как лебедь, белый».

II. В окрестностях Вороноча много братских могил, в которых хоронились побитые воины. Около озера Коноплюшки есть богатырская могила, длинная как дом. Там похоронен убитый богатырь. «Он шел с Опочки, в его стреляли и тут ево забили, отсюль (т. е. от Тригорского) верст 11».

Около Ворóноча не раз находили клады с серебряными и золотыми деньгами: куда-то их продавали; может быть, ювелирам. Говорят, что еще недавно нашли кувшин старых монет: серебро времен Ивана Грозного.

Я получил от своего тригорского знакомого, Ивана Ивановича, каменный молоток, найденный одним крестьянином в окрестностях

¹ То есть не умеют основательно рассказать.

Вороноча. О нем позволяю себе огласить заметку почтенного нашего археолога А. А. Спицына:

«Молоток, найденный близ пригорода Вороноча. В Псковском музее имеется 3 экземпляра подобных молотков из Новоржевского и Великолуцкого уездов. В соседних центрах, Финляндском и Литовском, такие молотки составляют редкость. Редки они и для России. Принадлежат, вероятно, медному веку. А. Спицын. 1927 — IX — 26».

Подобное Вороночской крепости урочище Городок, ныне не населенное, находящееся около деревни Крылово и озера Белогуль, я видел только издали. Это очень правильно, очевидно, искусственно закругленный холм, отлого спускающийся к озеру. Говорили, что там в углублении («лог такой») есть остатки каменных крылец, и лестниц. По преданию, здесь была крепость, разбитая Литвой. В деревне Морозово мне рассказывали, что тут была церковь, которая скрылась под землей. Во время пасхальной утрени здесь слышали звон и вой быка. Был человек, который ходил в эту гору: она была открыта. Это было не так давно. В деревне (такой-то) был жилец. Был у него сын. Он пас коров около Городка, гонялся туда в поле. В горе открылась ему дверь. Тут церковь, свечи горят, деньги лежат. Он испугался. Явилась ему девушка, говорит: «Взойди, молодец, не бойся; помолися, возьми денег себе, сколько надо; только лишнего не бери, а бери на нужду. И только ты не женись». Он ходил туда и брал деньги не раз. Родители заставили его жениться — с тех пор гора для него закрылась, и он не мог найти входа в чудесную церковь. По другому варианту этой легенды, запрещено было говорить кому бы то ни было о видении, молодой человек не удержался и сказал о происшествии брату, после того он не мог найти входа в гору.

III. Около Вороноча, на Тригорских хуторах, я записал также несколько исторических легенд и общепсковского и местного характера. Приведу прежде всего предание о псковском князе Всеволоде-Гаврииле (скончался во Пскове в 1137 году).

«Гавриил воин богатырь был, он говорил: «Я тогда встану, когда по шотку лошади кровь встанет». Потом он говорил: «Вы мне носите к церкви каждый день новые сапоги», куда он приказал. И вот оны большое время ему носили — Опсковом купцы соглашили. И вот все носили. Новые он возьмёт — и всё в ночь разобьёт и тут оставит. Видно много он делов делал, если в одну ночь сапоги разбивал. Оны старые брали, а новые отставляли. Вот оны обдумали: зачем новые давать? — возьмем эти старые, закрепим (починим) и отставим ему. Вот яны по утру встали, смотрют: он так и отставил эти починенные сапоги, не взял их. И с тех пор и не стал являться».

Об Иване Грозном говорят, что он проезжал около Вороноча. С ним везли какого-то наказанного боярина; летом на санях его везли (боярина). Более подробно рассказывают о посещении Грозным Печерского монастыря. История говорит, что «царь Иван

Грозный посетил Псковский Печерский монастырь, в котором было много его вкладов. Там он убил (в 1570 году) своим жезлом игумена Корнилия. Моши его почивают в церкви, а на гробе надписано, что «он предпослан царем земным к царю небесному». ¹

Предание говорит об этом так: «В Печерском монастыре был игумен, Нефедий што ли, хорошо не помню. Он купил у Ивана Грозного земли на воловью кожу. Тот ему продал; думает: много ли земле на воловью кожу пойдет! А тот разрезал кожу ремешками — вон какое место обтянул! построил наместырь. Потом послал во Псков, зовет Ивана Грозного на священье. Тот приехал в своей карете: видит, какой монастырь, сколько земли взято. Игумен его встречает — он схватил мечь и ему голову ссек — за то, што он его обманйл. А игумен взял свою голову и понес. Иван Грозный испугался — убежал оттуда и карету свою там бросил. Она и теперь в Печерском наместыре, — совсем простая, ося деревянные. Бабы ее кусали для исцеления от зубной боли, искушали всю».

IV. По местным преданиям, история не переставала быть чудесной сказкой и во времена новейшие. «Дер. Болотниково при Катерине была вотчина князя Куракина. Его главное имение было за 25 верст от этой деревни (около пригорода Велье) — и при таком расстоянии людей гоняли туда из Болотникова на барщину». Избавились они чудом. У Екатерины заболели глаза; ей приснился сон, и во сне было сказано: «Освободи такую-то деревню — выздоровеешь». Она и освободила. Потом эти крестьяне были экономические».

«Когда француз шол войной, он дошел до самой до рекѣ Сѣроти захотел воды попить из этой реки. Вот ему тут такую, как у Ивана Иваныча (соседа рассказыцы), шляпу (барскую) и сбили. Вот он все и добирается: «Приду сюда за шапкой, в город Ворѣну, а в реку Сорѣку». Их (французов) «тута насягнули и побили. Тут много могил: они похоронены». Это предание о французѣ я слышал здесь и от других обывателей.

Последняя известная мне вороночская легенда говорит об истреблении огнем церкви Георгия Победоносца в 1913 году. Настоятель этой церкви был священник жестокий, сварливый и алчный. Он постоянно был в ссоре и с причтом, и с народом. В Троицкую субботу он назначил платить ему 50 коп. за каждое поминанье. Крестьяне просили снисхождения, — он сердился и бросал на пол те поминанья, на которые не была положена назначенная плата. Во время обедни поднялась страшная буря, с грозой. Церковь загорелась и сгорела до тла. Приход не хотел больше иметь этого священника, и он провел остаток жизни в унижении и нищете (Д. Навдыши).

V. Назову еще некоторые места, замечательные в историко-археологическом отношении. Около села Михайловского (Зуёва) и д. Косѣхнова есть урочище «Лальские», или «Райские» ворота,

¹ Костомаров, «Литературное наследие». Спб. 1890, стр. 141.

на перекрестке дороги, на Зиминой горе — остатки старых каменных зданий. — Около деревни Бушева есть урочище Бушевские или Ивановские могилки. Их искали приезжие из Москвы ученые и не нашли потому, что название Ивановские здесь не распространено, а они спрашивали: «Где Ивановские могилки?». По другому объяснению, крестьяне просто не хотели показать чужим людям место, где находятся скрытые в земле сокровища. — Около с. Седоговцы, Новоржевского у., за Алтуном (ныне ст. железной дороги), есть субор (куча собранных камней), где находится склад оружия со времен Литвы. Деревня знает это место.

В заключение я должен сказать вообще, что в Пушкинской волости много урочищ с собственными именами и преданиями о бывшем когда-то населении, не мало остатков древних сооружений, могильников. Клады находились, находятся и ищутся местным населением, верующим в возможность таинственно и чудесно приходящего богатства. Одна пожилая здешняя обывательница весело и шутливо рассказывала мне о неудачной попытке выкопать клад. Ей когда-то приснился вещий сон, в котором было объявлено, что она найдет у себя в огороде клад в таком-то месте, ночью, если никому постороннему не скажет о чудном откровении. На совете с мужем было решено все-таки позвать еще родственника, чтобы начать это трудное и, по народному верованию, опасное дело втроем. Глухой ночью они принялись за работу, копали долго и усердно, докопались до чего-то твердого. Клад как будто шел им в руки. Но усталость, волнение, страх перед нечистой силой, охраняющей клад, довела их душевное состояние до крайнего напряжения. В кустах что-то зашумело. Они безумно перепугались и убежали домой, оставив навсегда мысль овладеть богатством, принадлежащим темным силам.

С падением веры в эти таинственные силы (неверие в них теперь заметно увеличилось), естественная охрана кладов исчезнет, и, если археология не воспользуется скоро и деятельно здешними преданиями о кладках и памятниках старины, скрытых под землею, вещественные памятники древней псковской культуры не попадут в руки сведущих и бескорыстных деятелей и погибнут бесследно для науки).

3. Предания о Пушкине и близких к нему людях.

В Михайловском и его окрестностях — живой источник народного Пушкинского предания. Это предание поддерживалось еще и путем давнего внешнего воздействия на местное население. Особенно большую роль в данном случае играли приезды интеллигенции в Пушкинские места, торжественные юбилейные праздники в честь нашего поэта, устраиваемые здесь и т. п. В той же Псковской губ., на небольшом расстоянии от Михайловского, Пушкин уже многим совсем неизвестен. Женщины, проживающие в 35 км от Тригорского, с которыми я разговаривал на дороге, желали знать: кто я? зачем приехал? Я сказал, что приехал в эти места потому, что здесь жил

Пушкин. «Что же он вам сродственник какой был, этот Пушкин?» — спросила одна из них с явным недоумением.

Из предков Пушкина мои знакомые собеседники знали кое-что только о прадеде поэта, А. П. Ганнибале. Дед, отец, мать, сестра и брат А. С., кажется, совсем исчезли из памяти народа.

А. П. Ганнибал (Тригорские предания). Дедушка Пушкина был арап. Арапы хитрые (т. е. умные) и верные. Им господа всегда больше доверяют. — «Ишол в Питербурхе арап с трем мальчишкам. Петр (Великий) увидал и говорит: «Слушай, голупчик, ты мне одново мальчишка продай!». А ён говорит: «Для меня хоть всих!». Ну вот он анновa мальчишка взял к сабе, заплатил за него дорого и отправил во Францию уцтыца. Потом он так асигновался, что хотел там остаться. Ну, Петр прослышал, поехал туда. «Ганибал, Ганибал, что ты делаешь? Ты от меня не видал ни худого ни доброго!» (так: эпический стиль!). Взял его с собой, обратно повез в Питербурх и через несколько время отправил в Тригорское. Это место звалось: «Егорьевская губа». Оно было под Ганибалом: Вётши, Батово, Дериглазово, Воскресёньское, Петро́вское, Михайло́вское, Воро́ноч и Триго́рское. Ганибал три года прожил в своих имениях и кафтана не переменил. Приехал в Питербурх, Петр спрашивает: «Что же ты в старом кафтане? или у тебя нет на кафтан?» — «Нет!» — «Как так?» — «А так: весна приходит, приходит мужицок, говорит: «Корова сдохла». Дам. Другой приходя, говорит: «У меня лошади нет», а третий приходя: «Хлеба нет». Всем даю. На кафтан и не остается». (Это только говорится: один приходя, другой приходя — их много, имение велико!). Петр, видя его слабость, взял его опять к себе в Питербурх». — «А то мне человек говорил, что дедушка Пушкина был придворный у господина (т. е. дворовый человек, крепостной прислужник), и Петр Великий его за бутылку рому купил».

1. Внешний вид, занятия, обычаи, привычки А. С. Пушкина и т. п. — Предметы его. — Его нрав и привязанности. О внешнем виде Пушкина я прежде всего приведу сообщение его современника, старика Ефима Кононова. 4-летним ребенком его привезли в Вороноч, в спас, 6 августа.¹ Пушкин потрепал его по щечке (он лично знал его отца), приласкал и других детей, тут бывших, потом будто бы пошел писать. На нем была большая соломенная черная шляпа, штаны плисовые, на ногах обувь вроде туфель с блестящими пряжками («золотинками»), в руках высокая и толстая черная палка. Потом этот старик 28 лет непрерывно служил у Григория Александровича Пушкина. Из предметов, оставшихся после Пушкина, старик помнит простенький деревянный бильярд, тщательно охранявшийся в доме сына. Во время разрухи он погиб. Дочь другого управляющего Пушкиных видала в доме две большие шляпы Пушкина: фетровую, с большими полями, и соломенную в том же роде. Этими шляпами пользовались, когда в барском доме устраивали праздничные переряживания. — Большая ста-

¹ Вероятно, это был более поздний осенний праздник.

ринная карета Пушкина, находившаяся в Михайловском, хранилась там до революции. В нее лошадей запрягали в четверку, «плечо в плечо, да две на вынос». Во время разрухи ею кто-то самовольно завладел. Она была разобрана и использована по частям. — В сожженном Михайловском доме была «Пушкинская комната» с хорошим его портретом («только не прогомонит, — такой горбоносенький, цорненький, курцавый»), с некоторыми сохранившимися его предметами. Почти все это, повидимому, погибло. — Местному населению небезызвестно, что предметы, связанные с личностью Пушкина, имеют своих ценителей. Рассказывали, что у одного генерала было кольцо Пушкина, — просто медное кольцо, — так он никакие тысячи не хотел взять за него.

Меня интересовало местное предание о занятиях, привычках Пушкина, вообще о его внешнем быте и виде. «Чем занимался Пушкин в Михайловском?» — спрашивал я старшего из моих собеседников, 95-летнего (счет лет приблизительный) Ефима Кононова. — «А ничем не занимался: читал и писал; с народом не разговаривал; кто поклонится — и не увидит; все был задумавшись». На вопрос: «В какие игры играл Пушкин в Тригорском с барышнями?» — старушка, бывшая прислуга тригорского дома, мне отвечала: «Пушкин все читал и писал». Вообще предание упорно говорит, что Пушкина видели в любимых им местах читающим и пишущим, а не просто гуляющим. Правда, то же предание говорит, что он часто сидел задумавшись. На любимые Пушкиным места показывали, говоря: «Вот тут Пушкин думы думал!».

По преданиям, Пушкин не чужд был и хозяйственных забот. Не так давно скончался старик, который много рассказывал о том, как Пушкин ходил с ним по имению, осматривал, разговаривал о хозяйстве — и в то же время писал. Писал будто бы стихи: что видел — сейчас и писал. Спутнику отдавал на это время держать свою палку.

Мне не раз рассказывали, что любимым местом прогулок и занятий Пушкина были три сосны («Кривые сосны»), из которых в последнее время оставались только две. На этом месте был «огородец» (ограда). Соседние крестьяне ограду сломали, и землю распахали. По указанию Ефима Кононова, Пушкин также любил сидеть на балкончике домика няни (с левой стороны, если смотреть к реке) и там «сочинял стихи». Оттуда, действительно, открывается чудный вид на долину Сороты, озеро Маленец, холмы, леса и деревни. По преданию, сообщенному Зинаидой Андреевной Павловой, Пушкин часто ходил по аллее, вводящей в Михайловское, и разговаривал с проходящими в имение крестьянами. Он любил лежать там на горке, недалеко от аллеи, и писал там стихи.

Крепостные деревни Пушкина были в непроходимом, теперь не сохранившемся, лесу. Туда он, повидимому, не направлял своих обычных прогулок и наблюдений. Кажется, Пушкин любил смотреть на открытый горизонт, и его привлекал не мертвый покой леса, а живое движение жизни. Кстати замечу, что охотой с ружьем и со-

бакой Пушкин здесь, повидимому, не занимался. По крайней мере, мне не пришлось слышать об этом никаких преданий. Рыбные ловли интересовали его больше. Сохранилось предание, что Пушкин любил с крестьянскими ребятами ловить раков в Сороги около Михайловского. (З. А. Павлова.)

По преданию, сохранившемуся в Навлышах, в семье бывшего управляющего Пушкиных, А. С. Пушкин «Петербург не любил»; ему больше нравилось жить в деревне. Летом он вставал рано и ходил купаться на озеро, на песчаный берег у Зиминной горы. Жена Пушкина деревенской жизни не любила. Пушкин ее ни в чем не стеснял, он ее очень любил, и любил, чтобы она веселилась. Здесь же помнят предание, идущее от бабушки Пушкина, «Ганнибаль», что поэт в детстве (до лица) не любил товарищей, любил одиночество.

По рассказам тригорской прислужницы, 70-летней старушки, Пушкин был веселый, любил ездить, бегать и петь, любил читать вслух стихи. Тригорская молодежь и Пушкин пели, танцевали, играли в мяч, в «разбёжки» (горелки), водили хороводы. Местом для таких игр и развлечений в летнее время был так называемый «зал» — эллиптическая площадка в саду, обсаженная деревьями. В пруду удочками ловили рыбу. На прудах были красивые лодки для катания и переезда. В тригорском помещичьем доме сохранялись места и предметы, связанные с памятью о Пушкине: уголок с креслом, на котором он сживал, перед столиком с зеркалом; был большой стол «Пушкинский», на котором он сидел «ноги крестом», или же забираясь на стол с ногами; там была рояль, на которой играл Пушкин и которую последняя из Вревских завещала после своей смерти отвезти в Михайловское. В саду он любил сидеть на березе «седло»,¹ сломанной не так давно бурей: там он читал и пел. В народе эта береза называлась также: «Пушкинский конек». По преданию, также «кóло дивана, кóло дубов Пушкин думать ходил». «Диван» — это одиночный дуб на возвышении, около которого некогда стоял деревянный диван. «Дубы» — круг, обсаженный дубами, называвшийся обычно «часы» (вероятно, здесь остаток старых солнечных часов): их было 24 дуба, они, очевидно, показывали «получасы». Некоторые уверяют, что и эти дубы насажены Пушкиным, но они старше того времени. Вообще говорили, что Пушкин любил ходить по Тригорскому саду. В нем прежде были столы, лавочки, беседки — в разруху все это поломано. Вырублена также небольшая часть деревьев и кустарников. К сожалению, срублены некоторые дубы в урочище «часы», чем совершенно испорчена эта историческая часть сада. Говорят, что рубили также орешник, вишни (будто бы старые), сливы. Перед Тригорским садом на холме был старый большой лес, от которого теперь остались немногие одинокие деревья. — Тригорские хуторяне уверяют, что если бы они не берегли Тригорский сад, его весь порубили бы. — Тщетно искал я в Тригорском саду место «под рябинами», где Пушкин встречался с П. А. Осиповой (см. письмо к

¹ Искривление у корня, на котором было удобно сидеть.

ней, полученное 13 марта 1829 г.). Старые рябины, очевидно, погибли от времени, а может быть и от хищной руки человека. Недалеко от угла сада, в стороне, опускающейся к реке, есть несколько молодых рябин: может быть, это — потомки старых, отмеченных в письме Пушкина.

Тригорское предание, кажется вообще стремится перетянуть Пушкина к себе. Мне говорили, что Пушкин в Михайловском мало находился. «Он жил в «белой бане» в Тригорском и там все писал сочинения. Хорменная баня была: в лапу рублена, красивая, тесаная». Повидимому, она была штукатурена и выбелена. Топилась, конечно, по белому. В этой бане, по преданию, было 5 комнат, вполне приспособленных для жилья. «У господ всегда так было; так и в Голубове было: баня, при ней комнаты — одеваться и раздеваться, мужская и женская половина». В них помещались гости мужчины, которым старый обычай не позволял проводить ночь под одним кровом с барышнями. Окна жилой половины этой постройки были обращены к саду, окна самой бани — к реке. Говорят, что эта баня уничтожена лет за 5 до революции. По приблизительному измерению (шагами) фундамента этой бани, длина ее была 18 аршин, ширина — 9. Капитальная стена, отделявшая баню от комнат, стояла на особом фундаменте. Часть постройки, назначенная для бани, была меньше той, в которой находились комнаты. Баня стояла на открытом спуске к Сороти, очевидно, только в последние годы ее существования заросшем некоторыми деревьями.

Среди бывших тригорских дворовых сохранились предания и о сердечных делах А. С. Пушкина. Одна из прежних прислуг тригорского дома, вышеупомянутая 70-летняя старушка, мне рассказывала, что Пушкин любил Евпраксию Николаевну Вульф и она ему сочувствовала. Няни Евпраксии и Пушкина знали это и участливо следили за ними. Когда кто из них скучал, одна няня оповещала другую, и они устраивали свидание молодых господ. Пушкин будто бы соблазнял Евпраксию Николаевну, когда она была уже замужем и имела детей, оставить мужа и уехать с ним, но она не согласилась. От той же старушки я слышал, что Пушкин в день именин Евпраксии Николаевны, 12 января, назвал ее Татьяной, а другую сестру, Анну, назвал Ольгой. От одного из бывших тригорских дворовых я тоже слышал, что «Пушкин хотел замуж взять Апраксею Николаевну; во время ее именин назвал ее Таницкой, а себя Анегинт». Та же старушка дворовая передавала мне о том, что Пушкин бывал у Евпраксии Николаевны, уже замужней, в именин ее мужа Голубове. Там он сам сажал с ней деревья.

II. Рукописи и книги, имеющие отношение к Пушкину. 25 июня я ездил в д. Горки искать рукописи стихотворений Пушкина: «Деревня» и «Свидание Онегина». Слухи о том, что такие рукописи имеются там у одного молодого крестьянина, грамотного и любителя книг, дошли до меня на хуторе «Озерки». Но еще до поездки я был предвaren, что он этих рукописей не продаст; потом я услышал, что эти рукописи утрачены; потом сказали,

что хозяин дома поручил их прибрать жене, и она их будто бы сохранила. Эти противоречивые известия не обещали никакого успеха моей попытке, но я все-таки поехал вместе с моим молодым хозяином, который был хорошо знаком с владельцем рукописи. Там что-то искали и не находили, что-то обещали найти и прислать, но ничего не прислали. Рукописи или не доступны, или затеряны. Говорили, что в той же деревне есть картина, рисованная рукой Пушкина, с его подписью. Крестьянин, к которому мы пришли посмотреть на эту картину, показал нам большую карту России старого издания, попавшую к нему, вероятно, из имения Гр. А. Пушкина, и сказал, что у него больше ничего нет. И раньше, и здесь, и после я наслушался рассказов о книгах и рукописях, погибших во время разрухи и бумажного голода. Искурены буквально целые библиотеки; многие книги идут на раскурку и сейчас. У здешних крестьян трубка не в обычае, а газетную бумагу для курения они покупают по 25 коп. за фунт. Эта цена выше весовой стоимости фунта многих наших держаных книг, и они таким образом естественно обречены на истребление курильщиками. Во времена разрухи искуривали даже ценные роскошные иллюстрированные издания, напечатанные на высоких сортах бумаги, совершенно неудобной для курения. Дома, в которых случайности войны и революции забрасывали большие или меньшие собрания книг, теперь опять часто не имеют ни одной книги. Куда все это девалось? — «Искурили!» — наивно, с полным сознанием неизбежности и правоты своих действий говорят вам в ответ. Один подгулявший молодой солдат очень распространился в разговоре со мной об уме Пушкина, о том, что про Пушкина много книг написано, и в заключение сказал, что была и у него в руках целая книга Пушкина, его собственное «ракаписание» (рукопись), да вот искурил: «табак был (доморощенный), другой бумаги не было, курить хотелось — действительно, что искурил».

Разные обстоятельства довоенного времени, еще более события эпохи войны и революции могли сделать обывателей Пушкинской волости обладателями рукописей и книг, имеющих значение для изучения творчества Пушкина. Часть их, наверное, не оценена их владельцами и погибла. Кое-что, может быть, еще сохраняется. Чтобы это оставшееся не утратилось навсегда, но сделалось достоянием науки, нужно употребить на приобретение его достаточные материальные средства, при разыскивании нужно действовать очень осторожно и тактично, необходимо прибегнуть к доброжелательному для обеих сторон посредничеству культурных местных жителей, пользующихся общим доверием населения.

Нельзя не пожелать и того, чтобы значительные для науки книги и рукописи Пушкинского края переходили не к лицам, а к учреждениям и делались таким путем доступными для науки. Мне сделалось известно, например, что в руках крестьянина Брюсова некогда находилось рукописное стихотворение, повидимому, местного происхождения, в котором излагались разные обстоятельства жизни Пушкина до его дуэли включительно. Эту рукопись на юбилейном торжестве

1899 г. приобрел у владельца губернаторский чиновник Горбунов, дав ему на чай пять рублей. Портфель названного покупателя, кажется, был могилой для этой народной рукописи о Пушкине. Тогда же этот чиновник Горбунов, по словам крестьянина, служившего ему извозчиком, отбирал в библиотеке села Михайловского книги, будто бы «пушкинские». Было отобрано и отправлено куда-то около 4 пудов книг. Одна из книг была отделена для особого назначения, и отбравший книги чиновник объяснил извозчику, что это такая книга, в которой описано, как Пушкин «волю сочинял». Эта книга могла быть и рукописью, заключенной в переплет. Она, конечно, не попала в то собрание книг, которое вывезено из с. Михайловского. Где она находится?

III. Пушкин, как остроумный человек. Народ, как и мы, знает А. С. Пушкина, как необыкновенно остроумного, находчивого человека. В Пушкинской волости мне приходилось слышать анекдотические рассказы о его бойких ответах, веселых и частью нескромных шутках. Говорят, что Пушкин раз пришел на одно собрание, где был царь и знатные господа. Ему сказали, что его чин не позволяет ему быть на этом собрании. Пушкин ответил: «Козырная шестерка и туза побивает!» Старик из д. Бустыги рассказывал: «Приехала из-за границы одна фрейлина и так ловко говорила, что наших всех сконфузила. Что они ни скажут — она так накроет, что им ответить нечего. Говорят: «Надо позвать Пушкина на разговор с ней; он сумеет ей ответить». Сказали Пушкину — он согласился. Пришел Пушкин на вечер, подошел к фрейлине, сел с ней разговаривать и так ловко поддел ее на словах, что она ничего не могла ответить и была совершенно сконфужена». К сожалению, слышанные мною рассказы частью или вполне неудобны ни для чтения в слух, ни для печати, и я должен их пропустить. Рассказ о сконфуженной фрейлине, конец которого здесь передается не вполне, тесно связан с нецензурным стихотворением Пушкина о нескромных шутках с фрейлинами царя Николая I («Говорил он с горем»: напечатано в письме к Дельвигу в октябре 1825 г.).

IV. Отношение Пушкина к крепостным и крестьянам вообще. В отношении к народу предание представляет А. С. Пушкина общительным, простым в обращении и милостивым. В д. Богомóлове он входил в крестьянскую «черную избу» посмотреть, как она топится, как в ней живут. Крепостные от барина, от попа бегали, прятались — А. С. Пушкина не боялись. Дочь бывшего управляющего Пушкиных, проживающая теперь в Навдышах, от отца своего слыхала, что Пушкин одевался и держал себя очень просто, носил красные рубашки, разговаривал с народом. По преданию, Пушкин любил крестьянских и дворовых детей, ласкал их, покупал у них ягоды: купит, заплатит деньги, поест ягод и потом отдаст обратно всю купленную корзинку. Особенно охотно и подробно рассказывают о посещении Пушкиным святогорских ярмарок. На «Девятнике» (ярмарка в 9-ю пятницу) Пушкин в соломенной шляпе, во французской рубаше, в высоких сапогах ходил среди народа, стоял около

старцев (слепых нищих), слушал их пение. Этот правдивый в своей основе рассказ обычно сопровождается многими легендарными подробностями. То говорят, что он слушал их пение и в то же время «сочинял стихи», то уверяют, что он «записывал ногой» то, что они пели, то рассказывают, что он становился или садился рядом и сам пел вместе с ними, то к его костюму прибавляют лапти...

Эти слепые певцы, теперь не появляющиеся, по рассказам лиц, их не так давно слышавших, были хорошие мастера пения. Они собирались группой человек в 10 и больше и пели духовные стихи о Лазаре, Алексее божием человеке, Михаиле архангеле, о пятницах и т. п., и так хорошо, что «ижно плачешь». Они пели поминальные стихи о «родителях» (покойниках) еще в начале последней войны. Слушатели «нанимали» их петь то или другое и сообщали им имена лиц, которых нужно было помянуть. В начале войны они получали много заказов о поминовении убитых воинов. Но вот что особенно замечательно. Старцы, по желанию слушателей, исполняли кое-что и недуховное. Зинаида Андреевна Павлова, учительница из д. Зимари, в детстве своем слыхала от них светские песни, «вроде былин». Ребенком она запомнила от них и часто распевала песню, начинавшуюся словами: «Во городе во Астрахани», продолжение которой теперь ею забыто. Это, очевидно, историческая песня о сыне Разина, сохранившаяся в записях Пушкина. Вероятно, от этих же святогорских ярмарочных слепых певцов Пушкин слышал и две другие былевые песни, оставшиеся в его записях: «Во славном городе во Киеве» (разбойники убили зятя и племянника и плонили свою сестру) и «Гуто жил поживал» (Ванька Ключник). Возможно, что песню о сыне Разина и разбойниках Пушкин записал на месте, во время пения, так как обе записи отличаются полнотой и исправностью текста и так как предание упорно говорит, что Пушкин, слушая старцев, что-то писал («сочинял стихи»).¹ Третья же эпическая песня (Ванька Ключник), вероятно, записана им после, по памяти, и недостаточно полно. Эти эпические светские песни в устах слепцов, может быть, более всего и привлекали к себе внимание нашего поэта.

Что касается рассказов о переодевании Пушкина по-мещански при посещении ярмарки, то они, вероятно, являются плодом простого недоразумения. По многим преданиям, мною слышанным, дома Пушкин любил одеваться просто, и мещанский костюм: красные или «вышивальные», как здесь говорят, рубашки-косоворотки, высокие сапоги и проч. были для него обычным домашним платьем. В городской немецкой обуви и немисливо, например, делать ранние прогулки по сырым лугам или по лесам, где и теперь еще не мало змей, а тогда, вероятно, было гораздо больше. Едва ли удобен был модный светский костюм и для поездок верхом, которые так любил Пушкин.

«Пушкин был слабый с крепостными», говорили мне в Савкине, «он как-то сжаловался над людьми. Ульф (Вульф) был строже».

¹ Песня о сыне Разина, впрочем, здесь, говорят, пелась и не слепыми.

У Пушкина было легче народу. Пушкин подойдет к мужику, работающему в поле, скажет: «Здравствуй, бог помочь!» Поговорит, посидит. Не скажет, что не так работаешь или что. Скажет: «Прощай!» и уйдет. Григорий Александрович Пушкин рассказывал моему почтенному сказочнику Брюсову: Его отец идет полем гулять, с барыней; видит — пахарь отдыхает. Пушкин сейчас верть назад. А барыня говорит: «Александр Сергеевич, куда?» Он скажет: «Видишь тут крестьянин спит: мы ему отдох испортим!» От старика из Косихнова (бывшие крепостные Пушкина) я слышал: «Говорили старики, что Пушкин был хороший, добрый; барин был такой, что лучше не надо. Кто что попросит, даст. Крестьяне подушину платили ему по безделице какой-то. На ярмарке останавливался с старцами; он не думал, что он барин или там что. Говорят, что он и с цыганами стоял и побирался». — Как так побирался? — спросил я с изумлением. — «А так: ходил с торбой (мешком, сумкой) по деревням, собирал милостыню, хлеб и все, что дадут. Наберет — все отдаст бедным людям». Это не единственная легенда о «милостивом» Пушкине. Вот другая, которую я слышал от обывательницы дер. Железова. «Пушкин бедных людей жертвовал. Старые люди говаривали: «Был бедный мужчина; у него детей было много, 6 человек. Он прожил все, у него есть было нечего. Он пришел в Святые Горы. Он там его встретил, этого Пушкина. Он думал, что это его рабочий, с Михайловского. Пушкин ходил все так: штаны были черные или синие, рубаха красная, сапоги русские. Мужик его и спрашивает: «Дома ли ваш Пушкин?» Он говорит: «Дома», признается, что Пушкин. Он говорит: «Говорят, что он бедных жертвует. Он говорит: «Да, жертвуете, приходите к нам в село». И потом говорит: «Запрягайте пару лошадей и обирайте все свое семейство, и жену и детей, всех, кто у вас есть, всем будет подача». А ему не верится, что где ж он столько даст! Вот он приехал туда в село, а уж Пушкин дома. И вот ён насыпал на пару лошадей хлеба, сколько они могут везти, и всим насыпал по мешку, сколько кто может нести. А сам смеется. Потом посадил бедняков за стол, заставил прислуг напоить-накормить их, кто сколько может съесть. И оны уже домой поехали с благодарностью».

Лица, служившие А. С. Пушкину, рассказывали о нем нынешним старикам, как о хозяине щедром и внимательном к их нуждам. Дед Семен из д. Бустыги мне говорил: «У меня был крестный — он Пушкину всю жись служил, верой-правдой, и ни в чем нужды не знал. Только спроси у Пушкина, что надо — сейчас получишь. Ему и денег было не нужно: ни воровать, ни наживать незачем. Всем обеспечен». По преданию, работникам и крестьянам «нигде так хорошо не было, как в Зуёве».

В. А. С. Пушкин и освобождение крестьян. Старик из д. Бустыги так рассказывал мне об освобождении крестьян Пушкине. «Было у нас три сосны, назывались «кривые сосны», и там была горка, называлась «поклонная горка»: с нее видны были церкви, и на них молились, когда выходили из лесу. Тут Пушкин сидел думы

думал. Вот он раз видит: идет народ на покос, на барские луга, крепостные, много-много народу. Пушкин и думает: что же это сколько народу и все на одного господина работают? И обдумал, что надо народу свободу дать, чтобы он на себя работал. Царь потом освободил крестьян, но это он все сделал не от себя, а Пушкин его наставлял и руководствовал. Вот хоть бы я что-нибудь дома сделал, а не сам собой, — меня, может, жена научила». Другой старик из д. Брюхова передавал мне то же народное предание, но уже в более легендарной обработке. «Пушкин ходил к трем соснам с книгам, писал, читал, говорил про себя, что дурачек. Смотрел отсюда на народ, как они работают; жалел, что люди даром работают. Не поят их, не кормят, а они им работают. Пушкин выдумал, как избавить народ: сочинил бумагу, что нужно выпустить невольников на свободу. Господа подписали, синод¹ согласился. Они думали выпустить невольников из острогу, а Пушкин доказал, что невольники — крепостные. Те, которые в остроге сидят, по своей воле туда попали. Так и пришлось им крестьян отпустить!» У крестьянина Брюсова был в руках народный стих, в котором рассказывалось, как Пушкин освободил всех крестьян. По рассказу этого крестьянина Пушкин в сенате¹ уговорил царя и сенаторов подписать бумагу, не вынимая ее из-под стола. Когда все подписали, увидели, что это воля крестьянам.

VI. Судьба Пушкина. Его смерть и погребение. Народ не считает скорый конец жизни Пушкина следствием совокупности естественных условий его положения и несчастных случайностей: друг и защитник народа, по представлению этого народа, погибает за народ, как жертва ненависти и злобы. На хуторе Озерки мне говорили: «Пушкин знал, что он долго не проживет. Он говорил: «Я рано сложу свою голову, но народу после меня будет лучше». Старик из д. Бустыги, Семен Никандрч, большой почитатель Пушкина и Толстого, говорил мне: «Пушкин тем был хорош, что был вумственный. Ну он еще и людей жалел, — все равно как Толстой, был милостивый. И как только Толстой мог долго жить? Таких людей убивают, долго им жить не дают». В Тригорском мне рассказывали: «Пушкина, говорят, обманом убили; он господ не любил; крепостных и не было в евоном селе».

Народному представлению не чуждо понятие о роковой дуэли Пушкина, как о деле долга и чести. Один старик мне рассказывал, что был у них такой лист, в котором было написано много о Пушкине. Там было писано, как он на дуэль шел и как царь его уговаривал, чтобы не ходил. Пушкин сказал: «Нельзя, ваше величество, закон!» Он шел на дуэль через хозяйку. Она с Ланьским стала ватажиться. Они сидели вечером за столом, и Пушкин загасил лампу, намазал себе губы и жену поцеловал, а им невдогадь, и Ланьскій

¹ По народным представлениям синод, сенат есть высшее государственное учреждение, которому подчиняется и царь. Это, вероятно, отголосок воспоминаний о верховной власти, предоставленной сенату Петром I.

его жену поцеловал. Пушкин зажег лампу и все увидел. Тогда он стал писать письма, что итти ему на стрел». От одной пожилой женщины я слышал: «Мама рассказывала. Жена Пушкина ково-то любила. Он намазал губы и ее поцеловал, потом вернулся и сразу увидел, что она другога любит — она его поцеловала. Он, знацит, взял и застрелился (так она понимает слово «дуэль»). Он не мог перетерпеть, что она гуляет с таким-то. Недаром говорится, что Пушкин был смекалистый. Он сейчас это дело узнал в точности. Сидел у него в гостях тот человек, на кого подозрение было. Незаметно за разговором Пушкин погасил свечку, обмазал себе сажей от фитиля губы, поцеловал жену; говорит: «Азвини, что неприятность сделал». Она сейчас: «Надо прислугу позвать, засветить огонь». Пушкин говорит: «Не беспокойся; я сам виноват, сам и беду свою поправлю». Вышел из комнаты, помешкал, потом пришел, зажег свечку. Смотрит и у гостя губы замараны. «Ну», говорит Пушкин гостю: «у жены губы черные от того, что я ее поцеловал, а у тебя от чего?» Тут он и пошел на дуэль. Эту же народную легенду о Пушкине и его жене я слышал в 80-х годах и во Владимирской губ. от одного живописца, служившего некогда в солдатах в г. Владимире.

Оскорбительное и для русского чувства, и для старого народного обычая обращение праха великого поэта в казенный тайно вывезенный и тайно похороненный груз, без сомнения, глубоко огорчило местное население. Оно хорошо запомнило, подробно передает и теперь, невольно несколько сгущая краски, печальную историю погребения Пушкина. Вот рассказ учительницы З. А. Павловой, основанный на местном предании. «Хоронили Пушкина, кажется, ночью. Говорили, что офицер, везший тело поэта, очень торопился. Игумен уже спал, когда привезли тело для погребения; его разбудили. Пушкин был наскоро зарыт в промерзлую, плохо прокопанную землю (по другому рассказу: просто в снег); весной его могилу поправляли. Пришлось слышать и такое предание, что «гроб Пушкина хотели «вытянуть» и отвести в Москву, да наши не дали».

VII. Пушкин как поэт. Пушкин, как поэт и писатель, массе местного населения известен самым недостаточным образом, вернее — совсем неизвестен. Все знает, что он «сочинял стихи», но что это за стихи, о чем в них написано, об этом большинство не имеет ни малейшего понятия и даже нисколько не интересуется этим, как бы считает это для себя чуждым, ненужным. Исключая сказки Пушкина, с которыми есть некоторое знакомство (главным образом через школу) среди людей грамотных. Факты литературного происхождения, которые известны представителям местного населения, они объясняют себе вне литературы. Пушкин назвал Евпраксию Николаевну Вульф в день ее именин Татьяной: потому что Татьяна и Евпраксия при-

ходятся в один день. Анну Николаевну назвал Ольгой: потому что «он в какую то Ольгу был влюблен». Себя он в то же время назвал Онегиным. Почему? — «У него был какой-то знакомый Онегин». В легендах о Пушкине, как освободителе крестьян от крепостной зависимости, мы с особенной ясностью видим, что народу совершенно недоступна мысль о содействии Пушкина освобождению путем литературной деятельности. Несомненно, что толки о влиянии Пушкина на дело освобождения проникли в народ, и в данных легендах он объяснил и выразил их по-своему, как хитроумное создание указа об освобождении.

Из всех моих разговоров о нашем поэте с старшим поколением Пушкинской волости я могу указать только два-три факта, где я заметил отражение творчества Пушкина в сознании моих собеседников. Но даже самое ясное из них — очень слабый отголосок его поэзии. Мой приятель из тригорских дворовых говорил мне: «У нас тут были Кривые сосны. Около них подросли молодые. Вот как приехал Пушкин из Петербурга, говорил: «Эти сосны уж идетей отвели». (Ср. «Вновь я посетил».) Отдаленное отражение стихотворения «Деревня» я вижу в приведенном дальше рассказе о предсказании Пушкина, как помещики будут любоваться на народ, работающий на своей земле. Рассказ о том, что прадед Пушкина был куплен за бутылку рома, конечно, идет от стихотворения «Моя родословная». Приведенное выше заявление, что Пушкин знал и предсказывал, что он долго не проживет, вероятно, имеет исходной точкой стихотворение: «Умолкну скоро я». Легенда о том, что Пушкин писал ногой, может быть, является изуродованным отзвуком «Истории села Горохина», в которой говорится «о земском Терентье, жившем около 1767 года, умевшем писать не только правою, но и левою рукою», который «умер уж в глубокой старости, в то самое время, как приучился писать правою ногою». Этот литературный факт, обращаясь в наивной среде и переходя из уст в уста, в конечном итоге мог быть отнесен и прикреплён к самому Пушкину. Точно также проникшее в народ из какой-нибудь школьной хрестоматии стихотв. Полонского «Нищий» по какому-нибудь недоразумению было связано с Пушкиным и создало легенду о том, что он собирал милостыню, чтобы раздавать ее беднякам.

VIII. Заключение о Пушкинском предании. Само собою разумеется, что предание о Пушкине в известной и значительной степени является не только украшенным и преувеличенным, но и прямо ложным, фантастическим, приправленным невежественными домыслами и выдумками. Мы не должны забывать, что носители этого предания не только наивные, но и малокультурные люди, без научного знания и школы, воспринимающие все доверчиво и без критики, вопросы литературные и исторические понимающие и объясняющие по-детски, исходящие в своих суждениях от закоренелых предрассудков, устарелых и ложных понятий.

Сообразно с этими понятиями Пушкина представляют некоторые как всеведущего чародея, знавшего все, недоступное простым смерт-

ным, настоящее и будущее. Один старик мне говорил: «Пушкин был такой человек, который вперед все знал, что будет, все равно, как Брюс. Которая вот теперь сотворилась разруха, он ее знал и описал». Другой старый крестьянин мне рассказывал: «О Пушкине нельзя всего говорить. Я скажу—ты напишешь—меня посадят (Он, действительно «сидел», по его словам, как невинный, оклеветанный человек, а по сообщению других—за уголовное преступление). Но Пушкин писал все правильно. Он говорил, что придет время, и год назначил, когда будет, что землю у помещиков отберут для крестьян. Он сам свою землю сдал в казну и другим помещикам говорил: «Сдавайте!» Придет время, когда мы будем выходить в поле, любоваться, как хорошо живет крестьянин, работает на своей земле. Все это так и сбылось. Этот старик много жаловался на упадок семейной жизни, непослушание детей отцам, произносил разные старые изречения—и приписывал их Пушкину. «Пушкин говорил: Придет время: пойдет отец на сына, сын на отца» и т. д. — Но это сказано в евангелии,—возразил я. — «Ты врешь, не в евангелии, а у Пушкина!» По другому преданию, Пушкин знал клад у «Кривых сосен» и рассказывал, как его найти. В полдень надо встать на такое-то место, смотреть на свою «пáстень» (тень); по этой «пáстени» и есть то место, где лежит клад. — От разных лиц и упорно мне повторяли предания, что Пушкин писал «ногой». Писал так Пушкин и у «Кривых сосен», и на ярмарке, около старцев, и в разных других местах и случаях. «Зачем же ему было писать ногой?» спрашивал я с недоумением. — Как зачем? ведь он был такой умственный! Вот хоть бы вы: пишете правой рукой, а заставь вас написать левой—напишете, и ногой, наверно, напишите! — Так понимают в первобытной неграмотной среде высокую грамотность!

Фактические ошибки в биографии Пушкина слышатся постоянно. Даже знающие часть пушкинского предания, вполне добросовестные и достойные доверия люди говорят, что Пушкин в детстве жил в Михайловском с няней, что во время ссылки к нему приезжали товарищи, напр., Лермонтов, что Пушкина ссылали и в Сибирь, и за границу и т. д. Однако, эти ошибочные утверждения я слышал от разных лиц, как примесь к рассказам более или менее любопытным и верным. Нам понятно, что никакое устное предание не может быть научно точным, что анахронизмы в нем встречаются постоянно, что оно связывается с личными догадками и домьслами, помогающими к восстановлению забытого и непонятого в картинах прошлой жизни; нам понятно, что, воссоздавая эти картины, говорящие с легким сердцем раскрашивают их, например, уверяют, что Пушкин не только одевался просто, но и надевал лапти, пел и даже плясал с народом. Всему этому мы не отказались бы поверить, если бы это согласно утверждали современники и очевидцы Пушкина. Но когда нам приходится иметь дело с преданием, прошедшим через поколения, обросшим, так сказать, «травой вымыслов», мы обязаны относиться к нему критически и без лишнего доверия.

Как скоро складывалась Пушкинская легенда, как вольно она

относилось к действительности, можно видеть из следующего. Известно, что сын Пушкина, Григорий Александрович, оставил Михайловское в 1898 г., т. е. на памяти местного населения и, несмотря на это, люди пожилые говорят: «Пушкин написал бумагу, чтобы с 40-го года отдать его село в козну. Сын и отдал с 40-го года и уехал в жонкино имение».

Я должен указать еще на группу рассказчиков легкомысленных, недобросовестных, лживых. Их я встретил очень немного. Один мой извозчик, мужчина лет 30, желая мне услужить своими рассказами, уверял меня, что Пушкина хорошо знал его дядя, с ним в пруду рыбу ловил, что в Михайловском есть домик, где родился Пушкин, что Пушкин с женой ездил по разным городам, садил с ней в саду деревья и т. д. Дядя, 80-летний старик, к которому он привез меня слушать рассказы о Пушкине, принял меня очень недоверчиво, заявив, что он родился после смерти Пушкина и ничего о нем не слышал. Вообще типов, подобных этому извозчику, среди людей пожилых и старых я не встречал.

В интересовавших меня преданиях Пушкинской волости, конечно, следовало ожидать и таких материалов, которые отражают неблагоприятные взгляды на личность и деятельность нашего поэта, исходящие из среды ему враждебной; или же стремятся приписать ему желательную, но не оправдываемую историей его жизни роль. Полагаю, что при более продолжительном и более близком знакомстве с преданием Пушкинской волости по этим вопросам нашелся бы некоторый материал, но сейчас я имею его очень мало. В д. Морозово одна старуха, узнавши, что я собираю сведения о Пушкине, с большим раздражением говорила: «Я думала он о земле нам хлопочет! А что нам этот Пушкин? Он никого не боялся и никого не почитал. Входил к царю на всякое собрание, званный и незванный. Царю о себе говорил: «Козырная шестерка туза бьет». Из этого недружелюбного отзыва ясно видно, что враждебные Пушкину взгляды проникали в народ и держались в консервативных его кругах. С другой стороны, здешние современные друзья Пушкина стремятся сделать его носителем новейших политических взглядов и приписать ему слова и поступки, которые были немыслимы при обстоятельствах его времени. Как раз в той же деревне молодой крестьянин мне рассказывал: «Когда приятеля Пушкина повесили по делу декабристов, Пушкин прошел мимо виселицы, сказал: «Лучше бы царя за язык повесили!» За это его и сослали».

IX. Няня Пушкина. По тригорскому преданию, «няня Пушкина умела сказки сказывать и наставляла Пушкина; он с ней советовался в делах, он без ей никуда!» (т. е. ничего не предпринимал). Померла она будто бы в Михайловском. В Вороноче не так давно умерла одна очень старая женщина, которая, говорят, была дружна с няней Пушкина. Из ее рассказов помнят, что Пушкин когда-то «поднял скандал», когда узнал, что его «няню обижают». (Вспомним историю Розы Григорьевны, по письму поэта к Л. С. Пушкину в январе 1825 г.) Престарелый Ефим Кононов, бывший много лет управля-

ющим в Михайловском, говорил: «Пушкин без няни ничего не мог сочинять. Все ее спрашивал. Поговорит с ней — потом стихи пишет». Общее мнение такое, что «няню свою Пушкин очень любил, и она его любила». Он и жил в домике няни, в той половине, которая находится со стороны сада, не от реки.

По рассказам учительницы из дер. Зимарей, З. А. Павловой, устное предание говорит, что няня Пушкина заведывала всем хозяйством в Михайловском; поэт в ее распоряжения мало вмешивался. Есть предание, что она жила, но не ужилась у Павлицевых и вернулась в Михайловское. Там она будто бы и скончалась, и похоронена в Святогорском монастыре, близ того места, где впоследствии погребен и Пушкин, но могила ее не сохранилась. То же предание о месте погребения няни сохраняется и у потомков священника Шкоды. От других мне приходилось слышать, что няня Пушкина похоронена на вороночском кладбище (д. Навдыши, семья бывшего управляющего Пушкиных, Василия).

Х. Шкода. Жена вороночского священника, Любовь Федоровна Дубковская, правнучка священника «Шкоды», сообщила мне некоторые предания о Пушкине и своем прадеде, усвоенные ею из рассказов покойной бабушки, Акилины Ларионовны, дочери «Шкоды». Старушка-бабушка любила рассказывать, как она, подростком лет 15, ходила в Михайловский парк за грибами. Туда крестьянам ходить не дозволялось, и там много было грибов. Там она видала Пушкина, и он ей палочкой показывал боровики. Правнучка «Шкоды» и ее правнук говорили, что Пушкин ходил в церковь в Вороноче и считался тамошним прихожанином. Пушкин любил священника «Шкоду», которого так называл за его строгий к народу, суровый нрав. Пушкин заезжал в его большой двухэтажный дом, стоявший некогда против церкви, а потом сгоревший. В доме св. Дубковского сохраняется ветхое кожаное резное кресло, на котором некогда сидел Пушкин, старинный, плохо сохранившийся буфет того времени и ваза, в которой ему подавали к чаю масло с хлебом. (Ваза с фабричным знаком: четыре листа крестом и надпись: «Фабрики И. Е. Кузнецова на Волкове».)

Когда привезли тело Пушкина в Тригорское, священник «Шкода» поехал туда, сопровождал гроб до Святых Гор и участвовал в служении литии при его погребении. Так он поминал Пушкина каждый год в Святых Горах на его могиле — служил литию. Властям это не нравилось, но «Шкода» этого не боялся. Гроб Пушкина будто бы везли по ночам, и народу на его похоронах было очень мало. Были тригорские помещики, помещики с Лысой Горы (Фок), которых Пушкин любил, игумен монастыря, «Шкода» и немногие другие.

XI. Тригорские помещики. Во времена жестоких нравов и обычаев крепостного права тригорские помещики, говорят, не отличались строгостью. Впрочем, местное предание одобительно относится лишь к поколению Вульффов, Осиповых считают недобрыми. О смерти Осипова я слышал такой рассказ: «Иван Сахонич приказал в праздник согнать на баршину весь народ — тягать лён. В домах остались одни дети. Он едет по деревне, слышит: дети

плачут. Он приказал врыть (бросить) всех детей в озеро. Все люди испугались, плачут. Он бы и бросил: власть была ихняя! — но не доехал до дому и сдох». Конечно, неправдоподобность этой легенды бьет в глаза, но создаться она могла лишь при общем мнении, что «Осипов был нехорош с народом, строгий». Наоборот: «Ульфов прирѣд (порода, род) очень добрый был». Алексей Николаевич Вульф не любил Осипова, даже портрет его вынес, после нашли на чердаке.

О Прасковье Александровне Осиповой - Вульф народное предание тоже не сохранило добрых воспоминаний. О ней отзываются, как о строгой, жестокой помещице. И знавшие ее слуги старого поколения и даже внуки «ее ужасно не хвалили; она с хлыстом выходила на кухню наказывать людей за шум. Она и барышень своих строго держала — отчего ж Пушкин и гулял с ними в белой бане?» Вообще говорят, и повторяют, что «Прасковья Александровна была недобрая к слугам, ходила с плеткой».

Алексея Николаевича Вульфа народная память ценит особенно за то, что он умирал жестокие порывы своей матери, которая его за это не любила. Она без него много секла. Конечно, глава большой семьи и хозяйка значительного имения, с фабрикой включительно, так или иначе должна была поддерживать дисциплину дома и хозяйства, но, применяя власть, она, несомненно допускала иногда значительные злоупотребления ею, выходящие из норм действовавшего тогда обычая и народного правосознания.

Сохранились темные предания, неблагоприятные и для оценки поведения Прасковьи Александровны в последние годы ее жизни. Говорили о каком-то неблагоприятном сближении ее с одним лицом, о передаче ему родового имения; помнят о больших семейных ссорах по этому случаю и т. п.

Напротив того, и сверх моего ожидания, об Алексее Николаевиче Вульфе я не слышал ни одного неодобрительного отзыва. Все в один голос его хвалили. Бывшие крепостные Тригорского имения помнят в нем своего защитника от суровости матери. Говорят, что и в Голубове, приезжая в гости по субботам к сестре и зятю, он требовал книгу, в которой делались записи о назначенных наказаниях (тогда секли, как в старой школе, раз в неделю, по субботам), зачеркивал записанные постановления и требовал их отмены. Он был хорош и в обращении с народом. «Алексей Николаевич Вульф худым словом никогда не бранился, — все говорил: «Любѣзнейший!» Особенно одобрял его, как умного, деловитого хозяина. Был у него управляющий, честный человек, а хозяйство вел плохо. Он взял другого, тот был деловитый, пожил у него несколько времени — себе село (имение, усадьбу) купил. Старый управляющий сказал Вульфу: «Вот, вы ему верите, а он себе село купил!» — Вульф сказал: «То и молодец! Он мне 18 тысяч дохода принес, и себе село купил. А ты ни мне, ни себе пользы не сделал. Под старость еще я тебя кормить должен». Этого управляющего-дельца Вульф очень ценил и ездил на его похороны. — Барские шутки Вульфа, по сохранившимся воспомни-

нениям, не заключали ничего особенно предосудительного. Вот одна из них. Три девушки работали в поле. Пришел к ним Вульф, старый, сивый (седой); он некрасив был. Говорит: «Девушки, поцелуйте меня, я вам по рублю дам». Девушки были бойкие, сказали: «Что же, барин, отчего не поцеловать? С удовольствием! Как вас: в губки или взять за ушки? (способ народного обрядового целования). — «Ха-ха-ха! Как хотите!» Подошли, поцеловали. Он вынул три рубля, отдал и ушел.

Дочери Прасковьи Александровны, по слышанным мною отзывам, не походили на мать. Особенно будто бы добра была Евпраксия Николаевна. У ней у самой было очень большое семейство, — говорят, 13 человек детей; но когда Тригорское имение, купленное Алексеем Николаевичем Вульфом у матери, оставлено было им после смерти Евпраксии Николаевны, она великодушно уступила его своим сводным сестрам Осиповым, Марье Ивановне и Екатерине Ивановне, которым брат, не любивший Осиповых, ничего не оставил. Старушка прислуга, 40 лет жившая в семействе Евпраксии Николаевны Вревской (у ее дочери Софьи Борисовны), очень хвалила и ее, и все их семейство.

Скажу два-три слова о бывших тригорских постройках. Старый тригорский дом, существовавший до недавно сожженного, издавна был не жилой. Он сгорел от стрельбы в саду. Одни говорят, что какой-то управляющий стрелял в ворон и сжег дом лет 40 тому назад, другие говорят, что «лысогорский генерал Хок стрелял в голубей и сжег этот дом лет 60 тому назад». Старушка, тригорская дворовая, упорно утверждала, что Пушкин бывал именно в этом старом доме, давно сгоревшем. По ее словам, этот дом был двухэтажный; в нем было 12 комнат. Можно думать, что это верно. И стихотворение Языкова это подтверждает: дом стоит перед ложиной. Длина оставшегося фундамента этого дома — 18 аршин (шагов), ширина — такая же. Вид на долину Сороти перед ним и теперь открытый. На месте же дома выросли довольно старые деревья, которым во всяком случае более 40 лет. Площадь, обращенная к реке, перед ним несколько низменная. Сзади дома — следы очень небольшого пересохшего пруда. С боков и теперь открытые места. Большой пруд в некотором отдалении. Недалеко отсюда направо у спуска — «скамья Онегина», налево — «белая баня». — Большой и длинный, недавно, в 1919 г., сожженный тригорский дом, известный по снимкам и литографиям, говорят, был построен лет 90 тому назад из фабрики, купленной в Велье. В нем было 14 комнат. Длина его фундамента — 52 аршина (шага), ширина — 22. К нему были еще пристроены на особых фундаментах балконы. Дом стоял скорее на возвышении чем в ложине.

Домашняя ткацкая фабрика Тригорского имения стояла при въезде в усадьбу, против так называемого «лакеева дома». Следы ее фундамента еще видны. Крепостные ткачи вырабатывали здесь из домашнего волокна ткани для белья, скатерти и проч. Изделиями этой фабрики одевалось многочисленное семейство владельцев и слуги

барского дома. Лучшие, более тонкие ткани служили на изготовление приданого барышням. Фабрика уничтожена с прекращением крепостного права.

XII. Г. А. Пушкин. Внук поэта. Сын поэта, Григорий Александрович Пушкин, оставил о себе весьма добрую память. Как хозяин большого имения, он мог бы быть в постоянных столкновениях с крестьянами, если бы сколько-нибудь ревниво относился к правам и выгодам своей помещичьей собственности. После отмены крепостной зависимости окружающие крестьяне пользовались обширными угодьями имения Григория Александровича (так называемый «Зуёвский обрез») — пахотной землей, лугами, лесами — на договорных началах: платили денежную аренду, уплачивали частью урожая или сбора (например, сена), обязывались уплачивать работой («пароботки»). На таких же договорных условиях производились частью и сельскохозяйственные работы в его имении. Эти условия пользования и труда были, по преданию, не обременительны. Иногда владелец прямо поступался своими правами в пользу крестьян, например, позволяя пасти скот в своем лесу, не наказывал за потравы и т. п. Много лет служивший у него старостой 95-летний крестьянин Ефим Кононов говорил мне: «Григорий Александрович ни во что не вмешивался, все: «иди к старосте!», но справедлив был, ох». Это подтверждают и другие обыватели. В Озерках мне тоже говорили, что Григорий Александрович был снисходителен и справедлив, давал льготы крестьянам, например, разрешал рыбную ловлю в своих владениях. У одного крестьянина управляющий отобрал рыболовную снасть за ловлю в имении Пушкина. Он пожаловался барину. «Барин порусски изругал управляющего и приказал отдать забранное». В другом месте я слышал: «Григорий Александрович вот какой был: видит в его лесу мужик дерево рубит — ничего не скажет. Только дома спросит у старосты или управляющего: дозволил ли ему рубить? Тот скажет: «дозволил». Тем дело и кончится». Крестьянин П. Г. Брюсов вез домой сено, купленное в Михайловском, на дороге встретился с Григорием Александровичем, с которым был хорошо знаком. Разговорились. Цены на сено стояли высокие, и Брюсов не жаловался на это, но Григорий Александрович сам нашел, что сена у Брюсова мало, а денег он уплатил много, и велел получить от управления часть платы обратно (5 рублей из 15). Старый слуга дома Г. А. Пушкина говорил мне, что Григорий Александрович «вовечень был хороший человек; таких людей слабых и не было; слуг он никогда не бранил, при нем прислуга сто бы лет жила» и т. д. Этот слуга — как и другие лица, знавшие Григория Александровича, — имеет представление, что последний все делал по отцовскому завещанию. «У него и отец, говорят, тоже хороший был!» Управляющему из крестьян, Василию, Г. А. Пушкин за год до воли сказал: «Смотри, Василий, будет свобода народу; только ты никому не говори; это еще год продлится дело; скажи только своей бабе, а больше никому не говори».

В голодный год Григорий Александрович Пушкин устроил столо-

вую для крестьян; кроме того, он давал нуждающимся в долг хлеб и деньги под расписки, которые потом, говорят, уничтожил. По характеру «он был человек мягкий». Григорий Александрович был страстный охотник. У него была большая собарня (псарня). «Пушкин, Григорий Александрович, постоянно с собаками ходил. Он дороги не разбирал: лугом, нивой, огородом, так прямо и идет, где придется». Многие крестьяне помнят его большие охоты, «облавы», в которых они принимали участие, как стрелки и загонщики.

Другой страстью его были лошади. Он всегда держал лучших заводских коней для охоты и выезда, имел дорогую сбрую, хорошие экипажи, ловких кучеров, но разъезжал не так много и круг знакомых имел не обширный. Любопытен в этом отношении один рассказ. Расставаясь перед женитьбой с своей первой многолетней спутницей жизни, француженкой N. N., Григорий Александрович выделил ей из своего имущества значительный капитал (говорят, 75 000 рублей) и предоставил взять в доме все, что она хочет. «А если она захочет лошадей?» — спросил управляющий, которому было поручено исполнить волю хозяина. «Лошадей не отдавай!» — был ответ. «Все, все, что хочет, пусть берет, только не лошадей!» Других забав Григорий Александрович, кажется, не знал; например, картами не увлекался, играл всегда по маленькой, в винт, преферанс. От нескольких лиц я слышал, будто Григорию Александровичу отец предписал сдать в таком-то году имение в казну, что он и сделал. Бывший староста Г. А. Пушкина, Ефим Кононов, и некоторые другие лица говорили мне, однако, что жена Григория Александровича не хотела жить в Михайловском и уговорила его уехать в Вильню. Последнее местное воспоминание о Григории Александровиче удостоверяет, как больно было расстаться сыну великого поэта со своим родовым гнездом. Очевидец говорит: «Григорий Александрович сел на пару коней, прослезился, вытер платком глаза и поехал». По сообщению одной учительницы, с Григорием Александровичем увезены и сохранившиеся остатки родовой библиотеки.

Один из молодых хозяев хутора, на котором я проживал, участник последней войны и боев с немцами в Германии, знал одного «внука Пушкина», как полковника враждебной армии. (Очевидно, это был сын герцога Нассауского и дочери А. С. Пушкина.)

4. Песни и сказки «Пушкинского уголка».

Я уже сообщал раньше, что песен в Пушкинской волости почти не слышится; пение здесь, действительно, не в обычае. Говорю о старой народной песне и людях среднего и старшего поколения. Молодежь на своих сборищах поет какие-то коротенькие песенки на новые однообразные, крикливые напевы, но, с моими пушкинскими интересами, я не разыскивал и не записывал этих песен. Старая песня, однако, не умерла еще совершенно, но она замолкла, как бы спряталась, стала недоступна не близкому к населению наблюдателю.

О народном пении сохранились лишь предания. Лет 15 тому назад, до войны, в деревнях обыкновенно «водили корогоды с песнями — теперь тово нету». Зимой, однако, на праздниках и теперь водят хороводы, а летом не стали. Женщины, возвращаясь с работы, бывало, обыкновенно пели песни. На помещичьих работах, особенно в крепостное, барщинное время, пели много. Больше всего это пение происходило на обрядовых пирушках с вином, которые устраивались для работников в конце работ, жатвы и проч. «Бывало, мама на барщину хаживала», говорила мне одна собеседница на тригорском хуторе, «их заставляли песни петь. Работаешь и песни поешь!». Видно, что под песню работа шла веселее и успешнее. И свадебный обряд, конечно, не так давно отправлялся со многими песнями, с причетами дружки, со многими старыми обычаями. Не знаю, играется ли здесь теперь когда-либо эта старая свадьба, но ее еще помнят некоторые женщины, принимавшие в ней прежде деятельное участие, хотя рассказывают о ней очень неохотно, да и многое, конечно, забыли. Охотно, впрочем, говорят о старых хороших песенницах, уже умерших старухах. На них любят ссылаться и кое-что помнящие пожилые женщины, не желающие петь или рассказывать песни для чужого приезжего человека, особенно, если он хочет записывать то, что он слушает. Только благодаря исключительной любезности и доверию моей квартирной хозяйки, Пр. Гр. Кузнецовой, почтенной 70-летней обывательнице хутора «Озерки», когда-то славной песенницы, ходившей по свадьбам «бояркой» (запевалой), я записал с ее слов 11 здешних старинных песен, 1 причитание дружки, 3 заговора, 1 ложную молитву. За недостатком места предложу здесь лишь часть моих записей.¹

I.

С пад камешка, камня синява
Прятакал ручей, речка быстрая,
Речка быстрая, вада чистая.
На той реке девушка ваду брала,
Я ваду брала, диву видела,
Дива дивнае, непамернае.
Там Даньської казак он каня пайл:
Не каня пайл — а жану губил.
А жана мужу не скарилася.
Не скарилася, — пакланилася:
— Ах ты муж, ты мой муж,
Не губи меня серед бела дня!
Ты губи меня с палуноцушки!
Малы детушки спать павлягутся;
Паразоспются, врозь раскотютца,
С лавки свалются, мамки хватются:
Ранной батюшка, куды дел матушку?

¹ Оговорюсь, что мои записи сделаны спешно и далеко не являются фонетически точными. Народный говор отражается здесь и выше лишь частично. Между прочим, аканье, отличающее местный говор, передается только в первой песне. Очерк говора Пушкинской волости составит особую статью.

— Ваша матушка ва сыром бару;
Ва сыром бару бере ягадки,
Бере ягодки, земляникушки.
— Ронный батюшка, врешь абманиваешь!
Ты скажи нам правду сущую!
— Малы детушки, ваша матушка,
Ваша матушка на синем море,
На синем море там гусей пасе,
— Ронный батюшка, врешь, амманиваешь!
— Малы детушки, ваша матушка
Ва балотинке пад калодинкай.
Я вазьму, вазьму маладу жену.
— Малада жана нам не матушка!

(Ср. варианты этой песни в собрании акад. Соболевского, т. I, №№ 97 — 122, где из Псковской губ. нет вариантов.)

II.

Разгорися каменка, растопися, баенка,
Растаснись княиния душа, по своей сторонущке,
По своей сторонущке, по девицей волюшке.
Не бянный, девушка, ни натца — на матушку,
Побянный, девацка, на свата разлушника.
Он ходил частешенько, говорил тихошенько,
Хвалил свою сторонущку. Хороша старонущка:
Пшаной поле сеяно, сытой поливано,
Грушай огорожена.
Я жила не ведала, пожила проведала:
Горем поле сеяно, слязам поливано,
Кручиной горожено.

(Вар. шуточный: Луциной горожено.) Поют,
когда невеста просватана.

(Ср. неполный текст этой песни в записи А. С. Пушкина: Венгеровского изд., т. IV, стр. 75, № 798.)

От Пр. Гр. Кузнецовой я слышал предание, что Пушкин писал свадебные песни. Слово писал, конечно, следует понимать: «записывал». Она же слышала, что Пушкин любил такие песни, и девушки ему их пели. Пушкин, когда они собирались и пели, будто бы говорил: «Ну-те, ну-те, девушки пойте еще!» От Пр. Гр. я слышал также: «Гарас много песен Яшка цецкай (дер. Цецы недалеко от Михайловского) знал. Его батька и больше знал; с ним Пушкин разговаривал, он к Пушкину ходил».

III.

Кашники, кашники,¹ гнилые ваши гашники!
Не путям вы ехали, в огород заехали;

¹ Кашники — свадебные гости со стороны жениха. Каша — последнее обрядовое кушанье свадебного стола после венчания. Здесь и в Новоржевском у., Ашевская волость, когда подается каша, крестная мать не-

Кочарыг нарежали, в горшки понапарили,
Пуза понаправили,
С изгород садилися, ды паркн свалилися.

Поют, когда кашники приезжают «стол сидеть к невесте», а боярки¹ их дражниют, а они стоят кланяются, говорят, что «простите, мы путем ехали». (Песня замечательна по названию «кашники», связанному с чрезвычайно древним свадебным обрядом.)

Причитанье дружки. Говорится, когда дружка с женихом и поезжанами зазывает гостей.

IV.

Встаньте чисто² — гости идут,
Радуйся хозяин — на свадьбу позовут.
Прошу покорно к нашему князю на пир — на беседу.
У нашева князя сем вар пива варено,
И сем валов завалено.
И сем бодец вина прикачено к забору.
Прикачено к забору
Пить своей рукой без спору.
Прошу покорно к нашему князю.
У нашева князя петушков-золотых гребешков понабито,
Полные палаты нарыты (т. е. набросаны);
И прошу покорно: серёдовые сами подойдите,
А стареньких на добрых конях подвезите,
А маленьких на белых руках поднесите.
Прошу покорно: в избе глазухи (т. е. гляденые).
А на улице стюдени (т. е. померанете).³

V. Заговор от твари (змей). Стану благославясь, Пойду прекрестясь, Из дверей в ворота, Через проворы, В чистое поле, В чистом поли, Под раки-товым кустичком. Сидит две девицы, Ронные сестрицы. Аны шопчут-ропчут Про гада про яда, И про гадицу, про ядуницу: Гад, Гад, возьми свой яд! Не возьмешь свою яду, Буду просить пресвятую богородицу, И Исуса Христа. Што есь на море на кияне, На синем на камне Сидит старый дедко, Он шопца-ропца Про гада, про яда, про гадицу, про ядуницу: Гад, гад возьми свой яд! Не возьмешь свою яду. Будем жалово разбивать И банной водой разливать. Аминь, аминь гаду, аминь яду! (Рана обмывается водой, пропеченной через каменку в бане с прибавлением табаку.) — Приговаривается еще: Черный гад, возьми свой яд! И бурый гад, возьми свой яд. И рябый гад, возьми свой яд! И красный гад, возьми свой яд! И яснецы⁴ и веретенницы!

весты покрывает ее отрезком ситца, который идет на рубаху жениху. Гости со стороны жениха смеются, дергают ситец к себе, говорят: «мало! коротко!» Потом обращаются к матери жениха, говорят, что она забыла помаслить кашу. Она снимает ситец, благодарит за него, повязывает себе на голову в виде платка — и тогда гости начинают кушать кашу. Ср. в Новгородской 1-й летописи под 1239 г.: Оженися князь Олександръ (Ярославич)... вѣнчася в Торопци; ту кашу чини, а в Новгородѣ другую» (Изд. Археограф. Ком. СПб. 1888, стр. 252).

¹ Свадебные певички.

² «Вси чисто» — все находящиеся, сколько есть народу.

³ Каламбур, состоящий в том, что стюдени и глазухи также означают кушанья.

⁴ Яснец — вид ядовитой змеи. Вообще змей здесь много, и они очень разнообразны. Некоторые выдали больших змей, «толосе оглобли, как толстая слега или берывено». Говорят, что одна женщина умерла от страха после того, как за ней гнался такой большой змей и ударял ее головой по спине. Она шла с двоими детьми и не могла убежать.

VI. Нецерковная молитва. Ложись спать на горы, Богородица в голы. Крестом крещусь, Со Христом спать ложусь; Враг-сатана, отвяжись от меня. Ангел мой, прилетай ко мне. Накрывай меня своей ризой пеленой. Богородица ходила, Христа за руку водила. Христос оглянулся: Бежить речка, На речке камень, На камне престол, Сиди Иисус Христос за престолом. Приходя Петр и Павел, Принося крест золотый. И кто эту (молитву) буде знать, Триждо дня прочитает, Тому бог буде грехов забавлять.

Сказочное предание сохранилось в Пушкинской волости гораздо лучше, чем песенное. Мне удалось там записать более 50 сказок, частью имеющих близкое отношение к текстам Пушкина. Сведения о записанных мною сказках и сказочниках будут напечатаны в Отчете Сказочной комиссии Г. Г. О. за прошедший академический год.